

ПРОСТО О СЛОЖНОМ



САРТР

ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА 90 МИНУТ!

УДК 1(091) (44)
ББК 87.3 (4 Фра)
С84

Оформление
дизайн-студия «Дикобраз»
Перевод с английского Л. Ф. Пирожковой
Все права защищены
Авторизованный перевод с издания
Paul Strathern
Sartre in 90 Minutes
Опубликовано с разрешения издательства
IVAN R. DEE

Подписано в печать 15.01.2005. Формат 84x108/32.
Гарнитура "Ньютон". Бумага газетная. Усл. печ. л. 4,75.
Тираж 5000 экз. Заказ № 5547.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

Стретерн, П.

С84 Сартр за 90 минут /Пол Стретерн; пер. с англ.
Л. Ф. Пирожковой. - М.: АСТ: Астрель, 2005. -
93, [3] с. - (Философы за 90 минут).

ISBN 5-17-029216-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-11520-8 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 1-56663-191-2 (англ.)

Еще при жизни Жана-Поля Сартра его философия полу-
чила широкое распространение. В устах Сартра экзистенци-
ализм стал вызовом, восстанием против европейских буржу-
азных ценностей.

УДК 1(091) (44)
ББК87.3(4Фра)

ISBN 5-17-029216-3
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-11520-8
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 1-56663-191-2 (англ.)

Copyright © 1998 by Paul Strathern
© ООО «Издательство Астрель», 2005

Введение	5
Жизнь и труды Сартра	8
Из произведений Сартра	81
Важные даты в философии	85
Хронология жизни Сартра	89
Именной указатель	92

Введение

Кажется, ни один философ в истории не пользовался такой прижизненной популярностью, как Жан-Поль Сартр. Его труды знали студенты, интеллектуалы, революционеры и просто читающие люди во всем мире.

Эта беспрецедентная популярность объясняется двумя причинами, имеющими мало отношения к собственно философским достоинствам мыслителя. Во-первых, Сартр заявил о себе как о представителе экзистенциализма в весьма подходящий момент: эта философия заполнила духовный вакуум, возникший на месте рухнувших идеалов в послевоенной Европе. И во-вторых, последующий выбор философа в пользу революционных

антиавторитарных настроений задел некую чувствительную струну общества: то была эпоха Че Гевары, повсеместных студенческих волнений, симпатий у культурной революции в коммунистическом Китае. Кажется, не было политических вопросов, которые обошел бы вниманием Сартр. Увы, дальнейшие события показали, что он оказался неправ — тоже почти во всем.

Философия раннего Сартра — это отдельный вопрос. Его, вероятно, нельзя назвать первым экзистенциалистом, однако он первым публично признал себя таковым. Кроме того, он безусловно являлся одним из талантливейших представителей экзистенциализма. По способности к развитию философских идей и осмыслению фактов ему не было равных в XX столетии. Его философия излагалась в блестящей образной форме, но вряд ли обладала достоинством строгой аналитичности. В силу этого ортодоксальные философы нередко относились к его работам пренебрежительно: по их мнению, ни работы Сартра, ни экзистенциализм как таковой вообще не являются философией.

Экзистенциализм был учением, утверждавшим безграничную свободу индивида; певица

ночных клубов Джульетта Греко сказала об этом так: «Что бы вы ни делали — через все это вы становитесь самими собой». Экзистенциализм и прост, как эта фраза, и (в изложении Сартра) обладает глубиной, достойной современной философии. Это впечатляющая и лично окрашенная «философия действия» или даже, как утверждали его критики, теория интроспекции (самонаблюдения), граничащая с солипсизмом (то есть убеждением в том, что существует только мое «я»). Но все сходятся на том, что стараниями Сартра экзистенциализм стал могильщиком европейских буржуазных ценностей, потерпевших крах после Второй мировой войны. Мировоззрение буржуазии (особенно среднего класса) и экзистенциализм взаимоисключали друг друга: невозможно быть экзистенциалистом и одновременно буржуа.

Жизнь и труды Сартра

Жан-Поль Сартр родился в семье буржуа. Его отец был морским офицером, он умер от тропической лихорадки, когда будущему философу не исполнилось и года. Сартр впоследствии говорил об этом как о «величайшем событии» своей жизни. «Останься мой отец в живых, он повис бы на мне всей своей тяжестью и раздавил бы меня». Отрицая эту фантазию эдипова комплекса, Сартр утверждал, что он вырос без привычки к сыновьему послушанию: «Мне был неведом комплекс «сверх-я»... не было никакой агрессивности». Он не имел ни интереса к власти, ни желания повелевать кем бы то ни было. Поэтому кажется удивительным, что столь безгрешное детство имело

следствием возникновение такой неискоренимой ненависти к буржуазии (а также любым обычаям и ценностям среднего класса), такого прошедшего через всю жизнь стремления к борьбе с любыми авторитетами и к психологическому доминированию над любым, вступающим с ним (Сартром) в тесный контакт. Блистательному гению Сартра были подвластны сложнейшие проблемы, однако более простые вещи нередко ускользали от его внимания.

Мать Сартра Анн-Мари вместе со своим ненаглядным ребенком вернулась домой в парижское предместье, чтобы жить с ее отцом, Шарлем Швейцером (дядей известного африканского миссионера Альберта Швейцера). Дед Сартра — Швейцер — был типичной патриархальной фигурой Франции того времени. Он носил элегантные костюмы и шляпу, его слово было законом для домочадцев (сплошь женщин); верность жене в число его доблестей отнюдь не входила. В автобиографическом произведении «Слова» Сартр описывает деда как «красивого мужчину с развевающейся на ветру белой бородой, который всегда не прочь порисоваться перед окружающими.

...Он так походил на Бога-отца, что его нередко принимали за Всевышнего». Конечно, это и было самое настоящее «суперэго». Но Сартр отказывался признавать за дедом такую роль.

С маленьким Жаном-Подем и его матерью в доме обращались как с детьми, и Сартр видел в Анн-Мари скорее старшую сестру, чем мать. В отличие от отца, в существовании которого он, по его собственному заявлению, не нуждался, фигура матери-сестры много значила в жизни мальчика.

Судя по источникам, в том числе и собственным свидетельствам Сартра, детство его было счастливым и безоблачным. Окруженный не чаявшими в нем души женщинами, юный Жан-Поль компенсировал отсутствие отцовского «суперэго» ростом своего собственного. «У меня хорошие задатки, но этого мало, мне положено быть гением». Никто не противоречил ему, даже строгий с другими дед трогательно обнимал внука, приговаривая: «Сокровище ты мое!» (Характерно, что позже Сартр скажет: «Я ненавижу свое детство и все, что его напоминает».)

В отличие от других самонадеянных детей, приходящих к заключению о собственной гени-

альности, Сартр был наделен воображением, настойчивостью и недюжинным умом для выполнения своего лично начертанного предназначения. Юный гений принялся исписывать тетрадь за тетрадью историями собственного сочинения, полными приключений и рыцарского героизма.

К этому времени относится несчастный случай, на всю жизнь испортивший мальчику внешность. Проводя каникулы на берегу моря, он простудился. В те дни медицинская профессия имела респектабельность, далеко превосходившую ее реальные возможности: обыкновенная простуда переросла в грозное осложнение. В результате у Сартра появилась лейкома правого глаза, что привело к частичной потере зрения. Выражаясь немедицинским языком, он приобрел сильно выраженное косоглазие, причем одним глазом почти не видел. Но солипсизм помог ему перешагнуть даже через это несчастье, детская идиллия Жана-Поля продолжалась.

Потом произошло нечто совсем ужасное. Его бесценная мать имела бесстыдство выйти замуж во второй раз. Жан-Поль был сражен. Ведь он больше не был центром внимания Анн-Мари,

кроме того новая мадам Мэнси отбывала в далекий Ла Рошель за своим мужем Жозефом. В возрасте двенадцати лет неуклюжий косоглазый мальчик совершил свое первое путешествие — в порт Ла Рошель, чтобы жить там с матерью и отчимом. В автобиографии Сартра (написанной им в пятидесятилетнем возрасте) его сорокатрехлетний отчим описывается живо и ярко, что говорит о глубоких чувствах. «Моя мать вышла за отчима не по любви... приятным человеком он не был... — высокий худой, с черными усами, невыразительным лицом, очень большим носом». Авторитарный, по-буржуазному добропорядочный мсье Мэнси идеально подходил для роли злого отчима. Он был богат, жил в роскошном доме и пользовался в своем провинциальном городке славой безупречного почтенного гражданина. Жозеф Мэнси был директором местного судостроительного завода. Бизнес он вел эффективно, в старом добром буржуазном стиле. (Любая угроза забастовки своевременно предварялась локаутом — массовым увольнением рабочих, и голод сам по себе разрешал спорные вопросы.) Каждый вечер после работы он вызывал прием-

ного сына в свою помпезную приемную, где давал ему уроки геометрии и алгебры. Мсье Мэнси придерживался ортодоксального подхода к обучению: за плохие успехи пасынок мог получить и выволочку.

Тем временем маленький мученик науки в щеголеватых парижских панталонах становился посмешищем среди своих менее ухоженных соучеников в лицее. Это неприятие сверстниками сделало мальчика замкнутым и сосредоточенным на самом себе. Сломать Сартра было не так легко. Его детский эгоизм развился в независимый склад ума. Наиболее восприимчивые среди одноклассников признавали, что этот коротышка, тщедушный денди с лицом лягушонка обладает незаурядным умом — несмотря на то, что на экзаменах он особыми успехами не отличался. (Возможно, прямым результатом педагогического рвения отчима стало то, что лучший в своем поколении ум Франции оказался третьим от конца в списке успеваемости одноклассников.) Сартр стал играть в классе традиционную двойную роль: гения и изгоя. Это был неприятный прыщеватый маленький тип в очках, который знал все (и всех в этом убедил); но он так-

же был способен к очень грубым ошибкам. Достаточно привести одну историю. (Характерно, что рассказана она самим Сартром — сорок лет спустя.) Как и все подростки-одноклассники, Сартр строил фантазии по поводу женщин с улицы «красных фонарей». Его исключительное воображение оставляло далеко позади бледные выдумки одноклассников. «Я говорил им, что у меня есть женщина, с которой я хожу в отель; мы встречаемся вечером и занимаемся тем, чем занимаются мужчины с женщиной... Я даже попросил прислугу матери написать мне письмо: «Дорогой мой Жан-Поль!..» Одноклассники «раскусили» мою ложь. Я стал посмешищем в классе».

А времена были нелегкие. Началась Первая мировая война, и многих одноклассников Сартра матери воспитывали в одиночку: отцов забрали на фронт. Война брала свою кровавую дань, и одноклассники, потерявшие отцов, вымещали скопившуюся агрессивность на тех, кто казался слабым. Сартр стал жестче, хотя поведение его было двойственным. Он отказывался быть «как все» лишь для того, чтобы быть принятым в компанию бездумных идиотов — но «быть принятым» сверстника-

ми ему очень хотелось. Он хотел быть «своим парнем» — но на собственных условиях. Эта двойственность останется у него на всю жизнь.

Но в тихом мирке своей комнаты маленький косоглазый лягушонок становился принцем. Садясь за свой стол, мальчик, утешающий себя тем, что он — гений, уже начинал решать непостижимую задачу действительного становления таковым. Тетрадки с историями о романтических рыцарях сменились автобиографическими текстами. Потом он начал писать романы. В возрасте 14 лет Сартр завершил свой второй роман, названный «Гец фон Берлихинген», посвященный тирану средневековой Германии. Кульминацией романа становится восстание против тирана: восставшие разрушают фабрики, мельницы, ткацкие цеха (некоторые из строений несут неслучайное сходство со знакомым судостроительным заводом). Тирана ожидает изощренная и мучительная смерть. Его голову засовывают в отверстие часов на колокольне, так что она оказывается на месте римской цифры XII. Последние минуты жизни тирана проходят в мучительном ожидании того, когда приближающейся стрелкой ему будет постепенно отрезана голова.

Сочетание страдания, насилия и крайнего экстремизма стало отличительным признаком зрелых работ писателя, в которых эти черты сохраняют всю непосредственность юношеского восприятия. Интенсивность юношеских переживаний Сартра оставила неизгладимый след в его творчестве. В этом возрасте подобные чувства нередко сложным образом переплетены с пробуждающимся философским осмыслением жизни. Отчасти гений Сартра есть не что иное как его способность сохранить это сочетание ощущений и эмоционально-интеллектуальное напряжение, которые в юношеском пытливом уме порождают как мысль, так и полную неразбериху.

В 1919 году Сартр начал красть деньги из кошелька матери, С их помощью он пытался искать расположения одноклассников, покупая для них в местном кафе экзотические кремовые пирожные и ромовые бабы. Радость мальчика от его возросшей популярности среди сверстников и приторно-сладкий вкус пирожных сопровождались гнетущим чувством вины, где-то глубоко прятались растерянность и тоскливая угрюмость. Здесь лежат истоки еще одного пикантного соче-

тания ощущений, ставшего навязчиво возвращающейся темой в творчестве писателя: липкая сладость и тошнота.

Тайное, конечно, стало явным; простодушная хитрость мальчика была раскрыта, неблагодарные приятели обрушили на него новый град насмешек, дома ждал обычный родительский нагоняй. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения подростка. Сартр решил вернуться в Париж, предпочтя законы Всевышнего и деда буржуазным стереотипам, навязываемым отчимом. Мятежник внутри Сартра выбирал те условия, внутри которых должен был созреть его мятеж — мятежом оказалась вся дальнейшая жизнь мыслителя.

В 15 лет Сартр стал учащимся престижного королевского лицея. Он запоем читал, поглощая горы литературы, часть из которой была недоступна его пониманию. Тем времени его писательское увлечение обретало новые формы: появились тетради с афоризмами и философскими размышлениями. Об уровне этих размышлений можно судить по его определению любви: «Желать женщине — значит обращаться с ней как со средством для достижения своей цели; любить женщину — зна-

чит видеть в ней цель, а не средство». Как и в случае этой квинтэссенции французской мудрости, другие афоризмы юного Сартра колебались между фальшью эпитаграмм и гениальностью прозрений. Преподаватель философии пронизательно отмечал у подростка «чрезмерную плодотворность»: изобилие идей, нередко незрелых и сумбурных (это характерная позиция ортодоксальных англо-американских философов. Сартр и поныне воспринимается ими именно так).

Сартр сдал экзамен на звание бакалавра и стал студентом высшей школы — Эколь Нормаль. Вопреки своему названию, это далеко не обычное учебное заведение: здесь собирались «сливки» французского студенчества. Оказаться здесь во времена Сартра — означало продемонстрировать весьма высокий уровень познаний. Здесь учились такие будущие знаменитости, как Раймон Арон и Морис Мерло-Понти; будущий антрополог Клод Леви-Стросс, блестящий теолог-философ Симона Вейл, будущий директор самой этой школы Жан Ипполит, писатель-философ Симона де Бовуар.

В этой атмосфере всеобщей увлеченности талант Сартра пышно расцвел. По свидетельству дру-

зей, его неприглядная внешность преображалась, когда он говорил. Прыщеватый низенький студент-очкарик приобрел влияние. «Когда он не спит, он *думает*». «Он был самым интересным собеседником, какого только можно вообразить.... Под цинизмом и критическим отношением к самому себе, которые он любил изображать..., скрывались безмерная теплота и мягкость, в которых он ни за что не хотел признаваться». Сам Сартр говорил, что он был чем-то вроде Сократа. Покинув привычную раковину отшельничества, он продемонстрировал огромную любовь к пиву и с восторгом обнаружил, что молодые женщины, очарованные его интеллектом, находили его не уродливым, а вполне привлекательным. Его жажда сексуальных побед вскоре стала уступать только жажде пива. Но обе эти страстишки были ничем по сравнению с главной страстью — познанием. Книги, идеи, размышления... Он читал *все* — правда, в это «все» почему-то не входили обязательные книги, рекомендованные преподавателями. Поэтому к удивлению всех, а особенно его самого, Сартр провалил первый же экзамен. В результате в следующем году его сияние несколько померкло.

Однако Сартр оставался «звездой». Он стал неряшлив, как большинство парижских студентов, быт которых оставляет желать лучшего, распрощался с такой буржуазной привычкой как умывание и стал курить трубку с таким крепким табаком, что соседу трудно выдержать. Его видели в многочисленных кафе Латинского квартала ведущим напряженные интеллектуальные дискуссии с друзьями, в число которых входили Раймон Арон и Мерло-Понти. Обычной темой их разговоров была философия. К их столику имело смысл приближаться лишь в случае, если вы могли сказать что-то ужасно умное, причем изложить свою мысль ярко и живо. Однажды к этой группе присоединилась высокая серьезная девушка 21 года, интересующаяся философией. Ее звали Симона де Бовуар, и она вскоре продемонстрировала, что ей есть что сказать.

Симона де Бовуар происходила из уважаемой буржуазной семьи, что роднило ее с Сартром. Она получила прекрасное образование в монастыре, а в душе ее созрел тот самый мятеж. К ней быстро прилипло прозвище «Бобр» — символ напряженной работы и энергичности — и она

стала членом группы. (Под таким прозвищем можно понимать что угодно, между тем это была просто одна из раблезианских остроумных компаний, бывшей весьма высокого мнения о себе.

«Обаятельная, хорошенькая, правда, одевается ужасно... эта ее кошмарная маленькая шляпка», — так добродушный двадцатичетырехлетний Сартр отзывается о де Бовуар. Согласно же самой де Бовуар, «это была любовь с первого взгляда». Как бы там ни было, Сартр и де Бовуар стали любовниками. Сартр вскоре возложил на себя дополнительные роли — ментора, консультанта по манерам и одежде. «Я хочу стать твоим покровителем», — говорил он ей.

Это было не совсем так. Он постоянно вступал с ней в споры, выдвигая разрушительные аргументы. Бобр отвечала уничтожающей критикой его идей. Впервые в жизни Сартр встретил ту, что «ростом вровень»: к критическим высказываниям Бобра он относился всерьез. Отношения становились все более глубокими. Он был той самой «половинкой», которую де Бовуар вымечтала за долгие одинокие годы своей юности. И Сартр, так и не став ее консультантом по модной одежде,

вскоре обнаружил поистине материнскую заботу о себе (ему предлагали помыться, сменить рубашку, подсовывали крем против угрей — и все в таком роде). Для де Бовуар он был «половинкой» в психологическом смысле, Сартр же обрел в ней утерянную в лице Анн-Мари сестру-мать, которой ему так не хватало. Конечно, эти роли действовали подсознательно, но с самого начала стало ясно: отношения не мимолетны, они завязываются надолго.

Впрочем, о постоянных отношениях речи быть не могло — брак рассматривался обоими как буржуазный предрассудок. Даже считать себя парой они отказывались: это было некорректно с философской точки зрения. Семейная идиллия буржуа, узы сожителства, приверженность условностям — всех этих мерзостей надо было избежать во что бы то ни стало. Нет, их отношения будут «открытыми». Так они решили. Никаких пут!

Студенты-любовники сидели над книгами, питались в дешевых бистро, занимались любовью, вели теоретические споры в кафе, в постели, во время прогулок по Люксембургскому саду, опять сидели над книгами, читали, еще читали, истол-

ковывали прочитанное, снова садились за книги, снова вели теоретические споры — неделя за неделей, месяц за месяцем... Подошла пора экзаменов. Когда объявили результаты экзамена по философии, Сартр узнал, что он — первый на курсе, де Бовуар заняла второе место. «Сливки» французского студенчества оказались в кильватере.

Счастливые университетские времена окончились, студентам-любовникам пришлось взглянуть в лицо действительности: учительская карьера для де Бовуар, военная служба для Сартра. Как истинные интеллектуалы, они решили определиться со своими отношениями. Сартр сформулировал свою позицию: всепоглощающая страсть его жизни — это теоретическая работа, писательство. Все остальное — только на втором плане. В отношении всего, что в жизни остается помимо писательства, он исповедует три принципа: «путешествия, полигамия, откровенность». После военной службы он планирует читать лекции в Японии. Он хотел бы сохранить их отношения, однако это не должно ему мешать наслаждаться компанией других женщин. Он ни за что не откажется от принципа личной свободы, поэтому о

понятии буржуазной «верности» речи просто не идет. С другой стороны, он признает, что их отношения — действительно особые. Поэтому он предлагает двухлетний «тайм-аут». То есть два года жить вместе, а потом два-три года порознь. Так они смогут оставаться близкими людьми и в то же время их отношения не утратят новизны, не перейдут в пошлую буржуазную привычку. Перерывы будут гарантией этого.

Определив их отношения в курьезных буржуазных терминах, Сартр вознамерился рассмотреть их также с философской точки зрения и выразить более адекватно. Опорой ему стало кантовское деление истин на «необходимые» и «случайные». По Канту, истина «необходима», если ее отрицание приводит к логическому противоречию. Например: «Философы ищут истину». Поиск истины — часть определения философа, отрицание этого утверждения ведет к противоречию. С другой стороны, если отрицать утверждение «Философы часто занимаются пустой болтовней», никакого противоречия не получим. Это высказывание не является *необходимо* истинным или ложным, в смысле логики. (Если

только ваше определение не включает неспособность философа к пустословию.) Истина второго утверждения, таким образом, *случайна*.

Сартр предложил их отношения с де Бовуар в течение двухлетнего срока и после него считать «необходимыми», все же остальные связи, которые у него (нее) будут, считать «случайными». К не-философам можно отнестись снисходительно: они, бестолковые, вечно делают из этой посылки ложный вывод. Что Сартр действительно имеет в виду? Если у него есть какая-то случайная связь — «не необходимо» даже рассказывать о ней де Бовуар? Нет, совсем наоборот. Это третий элемент сартровского «Путешествия, Полигамия, Откровенность». Он хотел, чтобы их отношения с де Бовуар были предельно честными и откровенными. Они будут рассказывать друг другу *все*, и никаких секретов.

Сегодня нам уже трудно оценить смелость этого вызова. Париж, конечно, всегда был городом любовников, но Франция в целом в 20-е годы оставалась в тисках буржуазной морали, как, впрочем, и большинство других стран. Семья как ячейка общества — вот основа этой морали. Респектабельность — удел дня, лицемерие — удел ночи.

Люди, конечно, нарушали эти правила, но не *публично* же!.. Сартр и Бовуар не таились. Это была неслыханная дерзость для Франции тех дней. Позже им бросились подражать интеллектуалы всего мира. Это была попытка создать честные и открытые отношения, в которых оба партнера независимы и свободны. Если отношения между мужчиной и женщиной вообще могут быть рациональными, то именно так они и должны бы строиться.

Можно ли строить разумные отношения как-нибудь иначе — это предполагалось обсудить на следующей стадии их развития. Достаточно сказать, что за время существования отношений, о которых идет речь, условленное выполнялось. По крайней мере, так казалось. Говоря словами человека, который отважно сформулировал новые отношения между мыслящими мужчиной и женщиной, «Бобр приняла эту свободу и не отказывалась от своего выбора».

Сартр отбыл на свою полуторагодовичную военную службу, а де Бовуар стала преподавать психологию в женской школе в пригороде Парижа. Военными успехами Сартр не блистал, но со временем ему удалось перейти в метеорологическое

подразделение, где инструктором был его друг Арон. Вместе они осваивали премудрости метеорологии, а вне службы запоем читали — все, что попадало под руку, от философских трактатов до детективов. Время от времени Сартр застывал над открытой страницей: он *думал*. Бобр получала (и посылала) пространные послания почти ежедневно; в них оба, как правило, делились друг с другом своими теоретическими размышлениями. А по уик-эндам встречались. Обычное приветствие Сартра было таким: «Я тут новую теорию создал...»

На самом-то деле, он занимался чем-то совсем противоположным: разрушал одну теорию за другой. Декарт был признан устаревшим, Кант — неадекватным, Гегель оказался воплощением буржуазности. Собственно, никто из традиционных философов не мог соответствовать реалиям XX века. Напряженное самонаблюдение привело Сартра к психологии, затем какое-то время он был очарован Фрейдом. Но в конце концов и Фрейд впал в немилость: психоанализ отрицал свободу разума. Когда интеллектуальные доктрины падали одна за другой, осталась единственная ценность — индивидуальная свобода.

Планам чтения лекций в Японии было не суждено сбыться, поэтому, вернувшись из армии, Сартр стал преподавателем в Ле Гавре, провинциальном портовом городке. Блистательный парижский студент был тут «не как все»: этого было достаточно, чтобы нравиться студентам, но недостаточно, чтобы уволиться. Однажды в выходные онпил абрикосовый коктейль за столиком кафе на Монпарнасе, рядом были де Бовуар и Арон. Сартр говорил о своей неудовлетворенности философией — она никогда не сможет «поймать» реальную жизнь. Арон не согласился: разве он не слышал о немецком философе Гуссерле и его феноменологии? «Видите ли, мой юный друг, если вы — феноменолог, вы можете говорить хотя бы вот об этом напитке, и это тоже будет философией». Сартр зачарованно слушал. Речь шла о такой философии, которую он искал, — философии отдельного человека, его существования в этом мире. Сартр выхлопотал грант на изучение работ Гуссерля и в 1933 году уехал на год в Берлин, в Институт Франции.

Основным понятием философии, которой заинтересовался Сартр, был экзистенциализм. Ввел его датский философ и религиозный мыс-

литель XIX века Кьеркегор. Он считал, что философия должна изучать «индивидуальное существование». Настоящее философствование не имеет ничего общего с бесстрастным созерцанием мира и попытками рационального постижения «истины». Для Кьеркегора истина и опыт неразрывно связаны. Нужно отказаться от рассмотрения философии в качестве точной науки.

Раньше основой философии была теория познания, которая изучает основания нашего знания. Однако Кьеркегор настаивает на том, что «быть человеком» — это больше, чем «мыслить». Мы не являемся «мыслящими головами», к которым прицеплены в качестве довеска еще и тела. Человеческие существа — это не просто, и даже не в первую очередь, существа познающие. Эти существа желают, выбирают, действуют, страдают, испытывают самые разные эмоции, и из всего этого состоит их опыт. И только все это вместе означает «быть человеком». Вот такое бытие и должна изучать философия согласно Кьеркегору. Это будет «философия существования», то есть экзистенциализм.

Философия Кьеркегора подчеркивает иррациональный момент человеческого существования

ния, ставя таким образом предыдущую философию с ног на голову. Вот типичное для него высказывание: «Первое, что нужно понять: мы не в состоянии познать что-либо». С его точки зрения, субъективность — единственная истина. (Истина, таким образом, становится субъективной.) Философия не должна ставить целью объяснение или светить своим фонарем во тьму мира, она должна пролить свет на само человеческое существование. Мы должны «стремиться стать этой жизнью, осознающей саму себя».

Здесь экзистенциализм сталкивается с первыми реальными трудностями. В попытке объяснить себя он уподобляется змее, глотающей свой хвост. Отказавшись от жесткости теоретической мысли и аргументации, он остановился на понятиях и аргументах неясных и расплывчатых. С точки зрения рационализма, подобные аргументы просто беспомощны.

Но Кьеркегору не страшны такие обвинения. Он продолжает утверждать: вместо того, чтобы иметь дело с абстрактными принципами, мы должны сконцентрироваться на конкретности опыта и его человеческой природе. Только таким путем мы

можем реализовать нашу свободу. Правда, когда мы испытываем это «чувство возможного» оно может превратиться в «чувство ужаса». И все же этот ужас равнозначен реализации свободы выбора.

Немецкий философ Эдмунд Гуссерль родился в 1859 году, четыре года спустя после смерти Кьеркегора. Его работы сегодня рассматриваются как развитие традиции экзистенциализма, хотя он не был прямым последователем Кьеркегора и фактически не соглашался с ним по целому ряду фундаментальных вопросов. В отличие от Кьеркегора Гуссерль сохранил определенное уважение к традиционной философии, по крайней мере к ее целям. В самом деле, его исходным пунктом явилась попытка преодолеть разрыв между двумя противоположными направлениями современной философии — рационализмом и эмпиризмом. Основателем рационализма считается французский философ XVI столетия Рене Декарт. Он создал систему рационального видения мира, опираясь на свое знаменитое «*Cogito ergo sum*» — «Я мыслю, следовательно, я существую».

Аргументы эмпиризма наиболее внятно изложены шотландским философом XVIII века Дави-

дом Юмом. Юм утверждал, что мы не можем знать ничего, кроме собственных ощущений. Даже о причинности мы не можем сказать ничего определенного, потому что причинность не дана в ощущениях. Мы воспринимаем только последовательность событий, а не их причинную связь.

Гуссерль пытался разрешить эту дихотомию поиском некоего фундаментального уровня, лежащего в основе обеих точек зрения. Он заявлял, что только путем анализа непосредственного опыта, предшествующего систематическим построениям, мы можем открыть философские основания, на которых базируются такие вещи, как философия, и математика (то есть сфера разума). Мы должны вернуться к непосредственной реальности, данной нам в опыте. Это может быть осуществлено только через анализ сырого материала сознания, первичного по отношению к предположениям или теориям, которые мы привычно навязываем ему. Другими словами, мы должны иметь дело с основными феноменами нашего опыта. Этот вид деятельности Гуссерль обозначает термином «феноменология».

Таким путем Гуссерль хотел превратить философию в точную науку. Духовные акты должны

быть описаны таким способом, который освобождал бы их от предрассудков относительно объективной природы реальности. Они также должны быть проанализированы так, чтобы освободить их от допущений о их собственной природе. Таким образом, феноменология требует скрупулезного научного исследования сознания и мыслительных процессов, чтобы определить конечные элементы опыта и *ощутить их как они есть*.

Теперь Сартр понял, что имел в виду Арон, заметив, что даже рассуждение о стакане абрикосового коктейля может быть философствованием. Исследуя эти неподдающиеся упрямые данные восприятия того, с чем мы сталкиваемся, мы можем прийти к философским выводам о природе опыта, себя самого и окружающего мира — и таким образом постичь загадку существования. Это и есть экзистенциализм.

Существует древнее китайское изречение: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен!». Берлин 1933 года переносил живущего в нем именно в такую эпоху. Незадолго до прибытия Сартра, в сентябре, Гитлер победил на выборах и стал канцлером Германии. В следующем году он занялся укреплением

ем своей власти: по улицам со знаменами и факелами маршировали штурмовые отряды, горели костры из книг. Были распущены профсоюзы, шли повсеместные чистки. Так известный персонаж готовился к тому, чтобы заявить о себе как о величайшем политике своего времени. Но Сартра все это мало интересовало: он исследовал собственное сознание. Судя по свидетельствам, Сартр провел этот год в Берлине в трансе солипсизма, настойчиво пытаясь различить чистую незамутненную данность своего опыта. Тем временем были разгромлены кабаре «Ишервуд» и «Салли Боулз». Такое отсутствие интереса к явлениям *действительности* — то есть к тому, что про.исходило в окружающем мире на практике, а не в теории — станет отличительной чертой сартровской философии. К эпистемологии и феноменологии экзистенциализма все это имело мало отношения. Но по мере обращения к политической философии дело приобретет другой оборот.

В 1934 году Сартр вернулся в Ле Гавр. Он завел тетрадь для записей по феноменологическим исследованиям. Де Бовуар убедила его изложить эти записи в художественной форме. Так появилось про-

изведение «Тошнота» (*La Nausée*). Главный герой Рокантен (во многом Сартр отождествлял его с собой) ведет бесцельную жизнь в провинциальном городке Бувиле. Жизнь его бедна событиями, но это, вероятно, лучшее из осуществленных когда-либо описаний «экзистенциального существования». Это больше, чем просто увлекательное произведение, это философский роман, лишенный абстрактности и дидактики. По самой своей глубинной сути это *есть экзистенциализм*.

Амбиции Сартра проявляются здесь в полную силу. Он ставит фундаментальный вопрос: «Кто я есть?» Однако отказывается давать рациональный ответ. Он считает, что ответ дан в описании — блистательно исполненном — самого ощущения существования.

Сартровское феноменологическое исследование приводит его к более широкому толкованию понятия «случайности». Когда-то Юм продемонстрировал, что нам не дана в ощущениях такая вещь как причинность, и развил свою мысль: «необходимость существует в нашем разуме, а не в самих объектах». Другими словами, мы *навязываем* ее действительности. (Это допущение, пред рассу-

док, который подтверждается нашим жизненным опытом, но это вовсе не означает, что он существует в реальности.) Юм прозрел это с помощью *интеллекта*, блистательность Сартра в том, что он постиг то же самое *в опыте*, то есть экзистенциально. *Всесуществующее случайно*. Всамомделе, наше существование насквозь пронизано случайностью. При таком подходе привычная сеть причин, следствий, необходимости и т.д., окутывающая мир, просто исчезает. Вот пример. Что происходит, когда мы смотрим в зеркало? Сначала мы видим нечто знакомое. Но чем более мы углубляемся в исследование собственного отражения, тем больше нового и не замеченного ранее обнаруживаем. То же самое происходит и при рассмотрении существования в целом. Существование свободно от необходимости и определенности. Как показал Кьеркегор, это осознание чуждости и случайности мира и своей свободы в нем порождает страх, трепет, ужас. С точки зрения Сартра-Рокантена, оно проявляется как «тошнота», уподобляемая ощущению самого себя. Таков «вкус» самого существования.

Феноменологическое исследование достигает кульминационного пункта в известном пасса-

же, где Рокантен наталкивается на корень каштанового дерева. Подобно тому, как, стоя у зеркала, человек открывает все новые и новые черты в собственном отражении, Рокантен обнаруживает в узловатом корне каштана нечто все более неожиданное и захватывающее. «Существование вдруг сбросило с себя свои покровы. Оно утратило безобидность абстрактной категории: это была сама плоть вещей, корень состоял из существования < ... > Разнообразие вещей, пестрота индивидуальности оказались всего лишь видимостью, чем-то внешним. Это внешнее исчезло, уступив место влажной твердости, чудовищной и хаотичной, нагой до непристойности». В конечном счете реальность была «липкой и почти неприличной». Рокантен все это время был не чем иным, как чистым «чувствилищем». И вместе с этим чувствованием приходило понимание крайней абсурдности всего существующего. Но это, еще раз надо подчеркнуть, не было пониманием в интеллектуальном смысле. «Эту абсурдность нельзя было схватить мыслью или выразить словом, она напоминала деревянную змею, свернувшуюся у моих ног. Я понял, что нашел ключ к существова-

нию, ключ к своей тошноте, ко всей моей жизни. <...> Я испытал абсурдность существования... Натолкнувшись на эту огромную узловатую лапшу, понимаешь, что существо дела не в невежестве или познании: мир объяснений и причин не имеет отношения к существованию». В результате Сартр приходит к выводу: «Человек есть то, что он есть в данный момент, и только в этом заключается его существование». Это было важным выводом для тех, кто пытался постичь смысл существования: «Невозможно ощутить жизнь в ее перспективе — она всегда подкрадывается сзади, и ты оказываешься внутри нее».

Сартр написал несколько вариантов «Тошноты», а в промежутках — еще ряд коротких вещей, не столь глубоких по философскому содержанию, но проникнутых ощущением «экзистенции». В отличие от романа они изображают различные попытки избежать ответственности за свое существование. Лучшее из этих произведений — «Стена» («Le Mur»), где человек накануне казни пытается жить воображаемым существованием больше, чем реальным.

Плодотворный, как всегда, Сартр создал в это время также ряд собственно философских работ, в

которых он пытался применить феноменологический метод Гуссерля к изучению эмоций и воображения. В «Набросках теории эмоций» стали очевидными первые трудности феноменологического подхода. Эмоции рассматриваются как нечто противостоящее феноменологической прозрачности существования. Они создают «магический мир» самообмана. В поисках теории эмоций Сартр оставляет в стороне психологию эмоций. Психология рассматривается как нечто подчиненное философии. Мы можем достичь феноменологической прозрачности, используя скорее разум, чем эмоции, но объект ее едва ли является рациональной структурой. Сартровское «ничего, кроме вчувствования» как бы временно отключает интеллект, восприятие же липкой, непристойной, нагой реальности осуществляется с помощью чувств. Более того, последующая смелая попытка принять ответственность за наше существование и соответственно действовать включает психологическое и эмоциональное содержание. Можно попытаться действовать так, будто мы свободны от нашей психологии, но полностью мы никогда не достигнем такой свободы. Однако Сартр настаивает на том, что нельзя при-

крываться психологией, и это, безусловно, смелая установка для философии действия.

Де Бовуар теперь живет недалеко от Руана, и на уик-энд они встречаются. В течение же недели связь идет через письма. Как и предполагалось, их отношения остаются абсолютно открытыми. Друг от друга у них секретов нет. И все же эта крайняя прозрачность не свободна от психологического оттенка. Вуайеризм и другие мрачные элементы вскоре становятся очевидными. Независимо от прозрачности «необходимые» отношения находятся не в лучшем состоянии. Сексуальных связей между Сартром и де Бовуар больше нет, тридцатилетний Сартр потянулся к юным девушкам. Де Бовуар, конечно, все знает. Сартр рассказывает ей *абсолютно* все, в деталях, что, похоже, толкает де Бовуар к лесбиянству. Возможно, для того, чтобы остаться как бы контролирующей ситуацию, де Бовуар знакомит Сартра с одной из своих семнадцатилетних студенток (предварительно лично вступив с ней в определенные отношения). Ванда была наполовину русской, имела длинные белые волосы и анархические настроения (читала Спинозу, бегала босиком по снегу и т.д.). Позже Сартр ув-

лекся младшей сестрой Ванды Ольгой. Все это время Сартр и де Бовуар друг от друга не скрывали ничего, но там, где дело касалось других, паутина недосказанности и обмана, необходимых спутников провинциального буржуазного лицемерия становилась все более густой.

Новая попытка Сартра создать полную прозрачность успехом не увенчивалась. За годы до Олдоса Хаксли Сартр начал экспериментировать с мескалином. Именно под галлюциногенным воздействием этого наркотика он увидел каштановый корень, описанный в «Тошноте». Мескалин ли тому виной, или его собственная психология позволила ему увидеть исходную реальность как «липкую и непристойную», сказать трудно. «Тошнота» считается художественным произведением, и сартровское блестящее изображение своего видения является непревзойденной метафорой для феноменологической прозрачности. (Хотя не первой метафорой. Здесь литература на втором месте после искусства. Четвертью века раньше аналогичное блестящее метафорическое изображение воображаемой реальности было осуществлено представителями кубизма.)

В 1937 году Сартру удалось получить место преподавателя в Париже, и он вернулся в обожаемый им Лефт Банк. Он снова мог писать за столиком кафе. Это не было позой. Со времен Франсуа Вийона, то есть с XV столетия, Лефт Банк и Латинский квартал (студенческий район Парижа) неразделимы. Возраст многих домов измерялся веками, в них не было элементарных удобств вроде отопления и водопровода. Обитатели таких апартаментов проводили много времени в бесчисленных кафе и дешевых ресторанчиках, дабы восполнить отсутствие таких удобств.

В апреле 1939 года была опубликована «Тошнота», а спустя несколько месяцев — серия коротких рассказов под общим названием «Стена» («Le Mur»). То и другое оживленно обсуждалось критиками, Сартр был объявлен восходящей звездой Лефт Банка. В 1939 году были опубликованы «Наброски теории эмоций», которые вызвали меньше откликов, но тем не менее способствовали росту его интеллектуального влияния.

Сартр был на пороге славы, между тем Европа с очевидностью оказалась на пороге войны. Сартр, однако, провел год в Берлине и не поверил в агрес-

сивность Гитлера. «Я знаю умонастроения немцев; Гитлер не решится на развязывание войны, — уверял он друзей. — Он просто блефует». На следующий день Гитлер вторгся в Польшу, французская армия была мобилизована. В 24 часа Европа оказалась в состоянии войны, а Сартр надел военную форму. «Война разделила мою жизнь надвое», — писал Сартр позднее. Он должен был выйти из своего опыта изменившимся (изменилось, впрочем, все, кроме его политической проницательности).

Сартр оказался в метеорологическом подразделении западного фронта. Немцы здесь не наступали, французская граница с Германией с востока защищалась неприступной линией Мажино, являвшей последнее слово в оборонном деле. Она состояла из полосы бункеров и туннелей, оборудованных огневых позиций, простираясь от Бельгии до Швейцарии. Но французская армия в целом отнюдь не была модернизированной. Одним из основных средств коммуникации на фронте оставались почтовые голуби, а немногочисленные резервы французской армии состояли из рядовых, по подготовке немногим превосходивших рядового Сартра.

Помимо запуска пару раз в день метеорологических аэростатов, Сартр занимался собственными делами. Увы, они не имели ничего общего с делами военными. Сартр обложился черновиками своего будущего романа, а также изучал Хайдеггера, собираясь написать «большой труд» по философии. (Вид рядового, изучающего мудреную немецкую метафизическую книгу — а в метафизике и сами немцы мало что понимают, — нимало не смущал патриотических коллег Сартра. А может, офицерам он просто не попадался на глаза.)

Экзистенциалистские идеи Сартра цвели пышным цветом. В свете случайности и, таким образом, абсурдности нашего существования, мы должны принять на себя ответственность за свою жизнь, объяснял он в почти ежедневных многостраничных письмах Бобру. Мы не имеем права жаловаться на свою судьбу. Каждый человек создает свою собственную судьбу: он создает характер и даже обстоятельства, внутри которых этот характер действует. Доведенное до логических выводов, это рассуждение сталкивается с определенными трудностями. Но Сартр не из тех, кто

пасует перед трудностями. Да, это означает, что он как индивид ответственен за *все*, объясняет он Бобру. Что означает: он несет ответственность и за Вторую мировую войну. Он должен принять эту ответственность и действовать сообразно. Как он позже скажет: «Это *моя* война; она существует в *моем* воображении, и я ее заслуживаю... все происходит так, как если бы я нес ответственность за эту войну... Таким образом, я и *есть* эта война».

Эту явно нелепую точку зрения на самом деле куда проще оправдать, чем множество других благовидных философских позиций (достаточно упомянуть нигилизм или витгенштейновское утверждение о том, что объективная реальность есть не что иное, как философская псевдопроблема, возникающая из-за неправильного употребления языка). Как мы видели, сартровский экзистенциализм уходит своими корнями в эмпиризм Юма и рационализм Декарта. В своем крайнем выражении оба этих направления приводят к солипсизму. (Юм: «В чувственном опыте нам даны только собственные ощущения; существование *других* в чувственном опыте дано быть не может». Декарт: «Если все, кроме «я

мыслию, следовательно, я существую» — не достоверно, то существование *других* должно также попасть в эту категорию недостоверного». Сартр просто берет быка за рога. Он демонстрирует выводы из учений Декарта и Юма. Они могут противоречить здравому смыслу (как, впрочем, большинство философских систем, атакже и современная наука). Но если мы доверяем собственному сознанию и игнорируем всевозможные предрассудки и допущения, позиция Сартра вполне оправданна. Она также является смелой, оптимистичной, исполненной почти ницшеанской силы духа. «Это мой жребий — и я буду нести его достойно. Если я свободен изменить свою жизнь, я несу ответственность за то, какой она будет». Мы можем недоумевать: а как же, например, страдающие склерозом? Или: что могут заложники, брошенные в темницу? Однако нечто родственное сартровской экзистенциальной позиции воодушевляло Стефана Хокинга и других, выживших в бейрутских застенках. Такие люди принимают свою судьбу, но в то же время оказываются выше ее, потому что ощущают себя свободными. Они действительно берут на себя ответственность за свою жизнь.

Традиционные философы возражают против позиции Сартра, утверждая, что философия должна описывать то, что есть, а не то, что должно быть — независимо от того, насколько ее утверждения заслуживают морального одобрения. Экзистенциализм же настаивает на философии действия, поэтому неудивительно, что таковая должна — по крайней мере частично — быть стратегией жизни. (Многие считают, что здесь Сартр вплотную подходит к проблеме морального принуждения, однако на этой стадии сартровская идея добра является в достаточной мере открытой, чтобы защитить его экзистенциализм от обвинения в том, что он является просто замаскированной системой морали. Только позже, когда экзистенциализм начинает касаться социальных вопросов, такое обвинение становится возможным.)

Тем временем, не зная о том, что он является всего лишь моментом экзистенциального существования рядового метеорологического подразделения французской армии, Гитлер занимает Бельгию, обходит с фланга линию Мажино и вторгается во Францию. «Немцы надорвутся: они

не смогут вести действий на такой широкой линии фронта», — уверяет Сартр Симону де Бовуар. Но ему приходится изменить свое мнение. Потому что через месяц почтовые голуби на фронте летать перестали, а французская армия капитулировала.

Сартр получает возможность отбыть в Германию и продолжить изучение Хайдеггера на его исторической родине. Правда, в лагере для военнопленных. Обстоятельства нешуточные. Но при этом Сартр неумоимо продолжает читать то, что он наметил, когда находился на передовой в качестве защитника отечества. Ключевой фигурой является Хайдеггер: ведь это именно он поднял экзистенциализм на более высокую ступень по сравнению с гуссерлевской феноменологией.

Основная работа Хайдеггера «Бытие и время» («*Sein und Zeit*») была опубликована в 1927 году. В ней он выступает против традиционных точек зрения Декарта и Юма. В качестве индивида я не являюсь и не могу являться отстраненным наблюдателем мира: ни тем, кто уверен, что существует, поскольку мыслит, ни тем, кто доверяет своим ощущениям. Нет, прежде всего я осоз-

наю себя существующим в этом мире. По Хайдеггеру, исходная точка — это *Dasein* (бытие-в-мире). Хайдеггеровское понятие «бытия» противостоит «познаванию» (будь то через мышление или чувственный опыт) и абстрактным понятиям, возникающим из этого познавания. Такие понятия не могут выразить индивидуальность и специфичность моего «бытия-в-мире». Между тем именно постижение глубинного смысла «бытия-в-мире» — задача философии.

Центральный для Хайдеггера вопрос — вопрос о смысле бытия. В поисках такового он отвергает гуссерлевскую феноменологию. «Акты сознания», свободные ото всех предпосылок, с которыми имеет дело феноменология, не могут быть фундаментальным источником нашего знания. Наша исходная точка — это «бытие-в-мире», только опираясь на него, мы можем начать приближаться к «вопросу о смысле бытия». Мое фундаментальное ощущение моего собственного бытия сопряжено, конечно, со множеством тривиальностей, подразумеваемых в моем «бытии-в-мире» — это влияние повседневного опыта. Однако подойти к пониманию смысла

бытия можно. Как? Поскольку человек конечен, то подлинное существование есть «бытие-к-смерти»: открытым бытию человек становится перед лицом «ничто». «Только перед лицом смерти все случайные и временные возможности вытесняются.... Когда кто-то понял конечность существования, он отворачивается от бесконечного множества непосредственно присутствующих возможностей, таких как комфорт, наслаждение жизнью, легкое восприятие вещей...» Чтобы достичь «абсолютной решимости», мы должны очутиться перед лицом смерти.

Все это весьма восхитительно, пока оно излагается устами немца. Но почему мы не должны искать комфорта, разнообразия, почему нельзя расслабиться? Потому что это не тот путь, на котором можно понять смысл бытия, говорит Хайдеггер. Но почему нужно искать этот смысл? Или, другими словами, имеет ли вообще смысл поиск смысла бытия? Понятие смысла бытия у Хайдеггера остается неясным, точных определений он избегает. Действительно, язык, который он создает, пытаясь описать свои неясные понятия, вы рождается в «мистику слов». Достаточно двух при-

меров: «Бренность ощущается изначально, на феноменальном уровне в присущем бытию-в-мире аутентичном бытию-в-целом, в феномене предвосхищения решимости». Или: «Там-бытие» акта понимания, который определяет или направляет себя, есть то, ради чего сущности воплощаются в том роде Бытия, которое подлежит разумению; это «там-бытие» и является феноменом мира». И это еще не худшее из того, что есть у Хайдеггера.

Но вернемся к более вразумительным его аргументам. Для многих в Германии начала XX века жизнь Хайдеггера является воплощением комфорта, наслаждения жизнью и легкого к ней отношения. Он жил жизнью университетского профессора (с фешенебельной дачей в престижном месте, разумеется). Его весьма двусмысленное отношение к нацистам попахивало уклонением от тягот жизни (и это еще очень мягко сказано). И он, конечно, перенес нацистский период достаточно легко, не говоря о позднейшей апологии такового. Но сила и слабость хайдеггеровской философии не должна отождествляться с достоинствами и слабостями самого Хайдеггера. Во всяком случае, Сартр

такого отождествления не проводил, а это главное, что интересует нас сейчас.

И все-таки, даже взятые сами по себе, хайдеггеровские аргументы не есть то, чем они кажутся. Глубинной основой его призывов остерегаться комфорта, повернуться к миру и серьезно относиться к жизни являются скрытые допущения, которые сильно отличаются от современных представлений. Например: после ницшеанского эпохального заявления: «Бог умер», многие верят, что жизнь сама по себе не имеет общей цели. Не существует такой вещи как Бог или Дьявол, и жизнь не имеет извне ценности или смысла. Поэтому она тщетна и может рассматриваться как абсурдная шутка. Миллионы людей умирают от голода в Африке, не будучи в чем-то виноваты; ничтожество, амбициозное и ограниченное, становится самым могущественным человеком на Земле. Можем ли мы претендовать на серьезность нашего собственного существования? Скорее, мы проводим большую часть нашего времени, «уклоняясь» от тягот и страданий существования или борясь с таковыми. Такое поведение часто считается приносящим наслаждение, которое ведет к счастью — цели пра-

вильно мыслящих философов от Аристотеля до наших дней. Наслаждение жизнью может осуществляться по-разному, ранжируясь от чтения высокой литературы до вязания шерстяных носков (любимое занятие Хайдеггера). И что касается комфорта: без него не будет цивилизации и какой бы то ни было мыслительной деятельности. Культура — от математического размышления до сентиментальности оперных певцов или игры на флейте требует комфортабельного досуга для ее творения. Оказавшийся же на снегу без шерстяных носков и обнаруживший, что потерял ключ от фешенебельной дачи, человек действительно обращает свои мысли к «вопросу бытия» — однако в куда более практическом смысле, чем имел в виду Хайдеггер. Удивительного тут мало. Но по хайдеггеровским критериям мои практические мысли в заснеженном лесу будут уклонением от сути дела, то есть от вопроса о смысле бытия. Хайдеггеровская философия также укоренена в первичности мысли, как и философия Декарта.

Сартр понял это и посчитал своей задачей перенаправить хайдеггеровский глубинный анализ бытия от мысли к действию. Он пытался вер-

нуть его к кьеркегоровскому исходному экзистенциализму, где предметом философии была субъективная жизнь — выбор и действия индивида. Но прежде чем создать философию, связанную с действием, самому философу необходимо повернуться лицом к деятельности. Сартр был полон решимости выбраться из лагеря военнопленных, куда он попал в марте 1941 г. Согласно легенде, он бежал оттуда. На самом деле, ему удалось обзавестись поддельным медицинским документом, который давал право выйти из лагеря и возвратиться в Париж «по состоянию здоровья». Если бы он бежал, мало вероятно, что немцы позволили бы ему беспрепятственно добраться до Парижа. Он был бы беглецом без документов; а между тем в Париже он жил совершенно открыто, занимаясь преподавательской работой где-то в пригороде и снимая комнату недалеко от места проживания де Бовуар. Среди мрачного дискомфорта оккупированного немцами Парижа Сартр засел за философский труд «Бытие и ничто».

Этот труд должен был стать неординарным достижением. Во-первых, в последнем своем варианте он насчитывал более 700 страниц. Это тре-

бовало больше бумаги, чем можно было достать в оккупированном городе, где и хлеба (с мякиной и опилками) было не вволю (хотя в кафе, где писал Сартр, все еще подавали кофе — правда, желудевый). Как видно из названия, большое влияние на Сартра оказал Хайдеггер, причем не только в смысле идей. Есть длинные пассажи, в которых Сартр позволяет своей обычно ясной прозе превратиться в тарабарщину. Будучи действительно творческим человеком, Сартр отказался принять хайдеггеровский язык в целом и изобрел собственную (но тоже непонятную) терминологию. К счастью, основной посыл сартровской философии вполне ясен и может быть изложен с минимумом экзистенциалистской зауми. Это должна быть не просто книга по философии, объяснял он де Бовуар: «Будет несколько скучных пассажей, но и живой язык тоже будет: ведь кого-то интересуют общие места, а кому-то нужны частности».

Что означает название «Бытие и ничто»? Здесь соотносятся человеческое сознание (*néant*) и бытие (*être*). Как объясняет Сартр: «Сознание есть тотальная пустота (поскольку весь мир лежит

вне его)». То есть сознание невещественно, оно есть «не-материя», и поэтому оно остается по ту сторону детерминизма. Оно свободно. Здесь сартровское понимание бытия отличается от хайдеггеровского. Для Сартра «бытие» есть не что иное, как сознающее себя бытие индивида, который властен организовать свое осознание мира. Гуссерлевская феноменология возвратила сознанию живость и интенсивность мышления художников и библейских пророков. Сознание стало «ужасным, угрожающим, подразумевающим, не чуждающимся благодарности и любви». Но Сартр выходит за пределы такого понимания. Мы не приходим к глубинному осознанию себя просто за счет более интенсивного и яркого осознания (получаемого, например, при употреблении гиперстимуляторов типа мескалина). Нет, мы делаем это путем наших действий. И этот выбор и действие имеют место не в транс сознания, а в действительности: «на улице, в городе, среди толпы; вещь среди вещей, человек среди людей».

Для Сартра основа — сознание, а вовсе не хайдеггеровское бытие. Но сознание не может существовать в вакууме, оно должно быть созна-

нием *чего-то*. И здесь философия Сартра становится философией действия. В отличие от Хайдеггера, он фокусируется не на природе бытия, но на его двух аспектах. Их он обозначает так: «в-себе» (*en-soi*) и «для-себя» (*pour soi*). «В-себе» — так обозначается все то, что лишено сознания. «Для-себя» — это сознание, которое свободно и не обусловлено миром вещей. Как и у Хайдеггера, оно тоже опирается на картезианскую достоверность *cogito*. Но для Сартра сознание не является мыслью, которая результируется в знании (в отличие от Декарта). «Для-себя-бытие» не обладает каким бы то ни было знанием. «Точка зрения чистого знания противоречива; есть только точка зрения вовлеченного (нацеленного) знания». «Для-себя» — это наше нацеленное восприятие, которое выбирает и действует.

Как говорит Сартр: «Сознание проявляет себя как желание». Другими словами, сознание *творит* себя через свой выбор.

Вся философия Сартра основана на свободе индивида выбирать. Выбирая, он выбирает себя. Эта свобода остается за ним, даже если индивид находит себя в сложной ситуации, скажем, в пле-

ну. Философия Сартра отражает человека с его страстной верой в свободу и волей к свободе. Она также учитывает исторический контекст. Что может быть более изысканным, чем свобода в стране, оккупированной врагом? Сартр настаивает на индивидуальной возможности выбора: и действительно, он во время войны занимался своим делом. В этом смысле его философия — философия вызова. «Если я призван на военную службу, это моя война, она существует через меня, я ее заслуживаю». О врагах упоминания нет. Враг принимается как существующее положение дел, это данность, он имеет больше отношения к окружающему миру, чем к выбору себя. Враг — это «другие», то есть иное по отношению к моему индивидуальному сознанию.

И все же Сартр признает абсурдность этой ситуации. Человеческое предприятие — индивидуальная попытка — является изначально тщетной. Не существует некоего априорного Добра, или Бога, или набора каких-то трансцендентных ценностей, с точки зрения которых можно было бы оценить конкретный поступок человека. Опять же, здесь слишком очевиден отголосок его собствен-

ной жизни под порочным и аморальным режимом. Равно очевидным является то, что сартровское описание индивидуального человеческого затруднительного положения выходит за рамки конкретных условий Парижа времен нацистской оккупации. Полвека спустя затруднительное положение может проявиться менее ярко и интенсивно, но его отличительные черты остаются теми же (если мы принимаем сартровский атеизм). Сегодня мы можем склоняться к более оптимистическому взгляду, но в строгом смысле человеческие усилия остаются абсурдными и тщетными.

Это два излюбленных термина экзистенциалистов, своеобразных клише. В среде непритязательной философствующей публики кафешек Лефт Банка они стали модными словечками и своеобразным паролем: если ты не считаешь жизнь абсурдной и тщетной, какой из тебя экзистенциалист? В свете этого стоит проанализировать эти два слова более тщательно. Что все-таки они говорят о сути и природе наших индивидуальных затруднений? «Futile» (тщетный) происходит от латинского слова, означающего «изливающийся», то есть «переливающийся через

край», «переполненный», бесцельно льющийся. Сегодня оно означает неэффективность, неспособность продуцирования чего-то ценного, достижения длительного результата. «Абсурд» исходно означал отсутствие гармонии и ныне означает несоответствие требованиям разума или обычаям. Однако в английском языке использование этого слова имеет комические коннотации, которые почти отсутствуют в континентальной Европе. Для Хайдеггера человеческие усилия были чем-то крайне серьезным, и даже Сартр никакого комического оттенка в это слово не вкладывал. В ироническом же смысле это прагматическая и шутивная позиция, характерная для англоговорящего мира, который, по-видимому, более нуждается в экзистенциализме, чем приверженцы пафосной континентальной серьезности. Наша позиция «здравого смысла» часто тяготеет к поверхностности, оставляя за бортом философское содержание. Экзистенциалистская попытка очертить индивидуальные трудности может дать более глубокое основание тошечному «Я» современного западного понимания. Тщетность и абсурдность могут как расширять, так и сужать это «Я».

Но вернемся к «бытию» и «ничто». Враг — это принятие Другого, настаивает Сартр. Здесь Сартр приближается к солипсизму своего раннего отношения к войне. Любопытно, что эту точку зрения поддерживает его современник Габриэль Марсель, который был фактически первым французским философом, ставшим на путь экзистенциализма. Марсель смог избежать обвинения в солипсизме, будучи приверженцем католицизма. Индивид Сартра одинок изначально. «Другой» — это скрытая смерть моих возможностей», — утверждает Сартр. Но, как отмечалось ранее, сознание является сознанием *чего-то*. Сознание (т.е. «ничто») имеет объект («бытие»). Сартр таким образом избегает солипсизма, утверждающего, что мое «Я» — это единственное, что существует, а так называемый «внешний мир» является просто частью моего сознания. Но сартровская позиция все еще оставляет его индивидуальное сознание во многом противопоставленным внешнему миру. В конце концов он вынужден прибегнуть к мудреному аргументу высшего стиля. В конечном же счете этот витиеватый аргумент сводится к доводам здравого смысла, которыми

мы пользуемся, чтобы доказать существование других в ощущениях, известных как наша жизнь.

Теперь, когда допускается существование других (а не просто Другого), Сартр может ввести мораль. Ирония в том, что его мораль не имеет ничего общего с другими видами морали. Это вполне абсурдная мораль абсурдного мира. Абсолютно серьезно он утверждает: «Все виды человеческой деятельности равнозначны: пьютли кто-то в одиночку — или ведет к каким-то вершинам свой народ. Если одна из этих деятельностей имеет превосходство над другой, это происходит не из-за ее реальной цели, но из-за степени осознания ее идеальной цели». Тот, кто вырастил ребенка, кто пристрастился к наркотикам или проиграл состояние, поставив не на ту лошадь в скачках, приравниваются друг к другу изысканным сартровским аргументом о равнозначности всех видов деятельности. Парадоксально, что его следующий аргумент придает глубокий смысл его с очевидностью нелепому предыдущему утверждению. Итак: выбирая деятельность, мы должны осознавать, что мы делаем, и нести за это полную ответственность. Моя цель должна воздействовать

вать на мое сознание: привести к более глубокому осознанию себя, лучшему осознанию моих трудностей, а также принятию ответственности за них, за мои действия, за то «Я», которое я создаю этими действиями.

Если не существует таких вещей, как априорные Добро и Зло, не существует трансцендентных ценностей, значит, никакая человеческая деятельность *внутренне, сама по себе*, не лучше, чем любая другая. Мы должны согласиться, что они в самом деле равнозначны. Мы предпочитаем одну другой *на основании собственного выбора*. Все это сводится в конечном счете к той самой свободе от детерминизма, где «все можно». Каждым своим выбором я создаю не только себя, но и мораль в целом, хочу я этого или нет. Как показывает Сартр, этого должно быть достаточно, чтобы заставить человека думать. Хочешь — разбивайся в лепешку, хочешь — выдвигай свою кандидатуру в президенты. Делай что угодно, но осознавай, что ты делаешь.

Это подводит нас к одному из ключевых понятий Сартра: «*mauvais foi*» (буквально: «дурная

вера», но более точно — «самообман»). Мы действуем в «дурной вере», когда обманываем себя, особенно когда пытаемся оправдать человеческое существование, навязывая ему смысл. Так принимают религию или какие-то извне установленные ценности. То же относится и к становлению приверженцев какой-либо науки — *постольку поскольку это означает попытку навязать жизни смысл извне*. «Действовать в дурной вере», таким образом, означает уклоняться от ответственности за свои действия, перекладывая ответственность на какие-то внешние влияния.

Еще одно ключевое понятие сартровского экзистенциализма: *существование* предшествует *сущности*. Это означает, что человек «прежде всего существует, проявляет себя, что-то делает в мире — и только после этого определяет себя», — говорит Сартр. «Не существует такой вещи как человеческая природа, потому что нет всевидящего Бога, который создал бы ее... Человек — это то, что он из себя делает. Он существует постольку поскольку реализует себя. Он является не чем иным, как совокупностью всех своих поступков, которые и составляют его жизнь».

Сартровское объяснение человеческого поведения неизбежно обрастает обычными психологическими интерпретациями. Достаточно рассмотреть понятие самосознания — его влияния на наши действия и его роль в формировании личности. Сартр пытался преодолеть такие возражения, предложив собственный экзистенциальный психоанализ. В «Бытии и ничто» он использует таковой, чтобы проинтерпретировать многообразие человеческих действий. Его главный аргумент таков: «Я есть ничто, отсутствие бытия. Чего я ищущу — есть бытие, которое окружает меня, которого мне не хватает». Сартр утверждает, что наши желания и действия, которые мы предпринимаем, «подчинены стремлению к бытию». Я желаю этот мир: я желаю обладать им и *быть* им.

«В определенном смысле я действительно становлюсь объектами, которыми я обладаю. Таким образом, через обладание чем-либо моя ничтожность становится бытием. Это отражает процесс, посредством которого моя ничтожность становится бытием в глазах других.

Во многом то же самое происходит, когда я разрушаю или потребляю что-нибудь. Я присва-

иваю его и разрушаю его неподвластность мне. Такой анализ доводится до логического конца, параллельно идет экзистенциалистская интерпретация происходящего в то время, когда я курю сигарету» (Сартр всю жизнь выкуривал по две пачки в день.) С его точки зрения, курение — это тоже приобретающее и разрушающее действие. «Моя сигарета — это целый мир: когда я курю, я разрушаю ее и поглощаю. Тот факт, что это может разрушать меня самого, не рассматривается: предположительно, это было бы отказом от моей ответственности за весь мир...»

«Моя свобода — это выбор быть Богом, — заявляет Сартр, — выбор, который проявляется и находит отражение во всех моих действиях». «Бытие и ничто» заканчивается еще одним витиеватым аргументом, который кажется философски интересным и одновременно искусственным: «Любая человеческая реальность — это стремление. Она пытается утратить себя, чтобы стать бытием, в то же время становясь В-себе, уже не обладающим абсолютной свободой: вещь, которая является причиной самой себя, в религиях называется Богом. Таким образом <...> человек теря-

ет себя в качестве человека, чтобы стать Богом. Но идея Бога противоречит сама себе, и мы теряем себя в отчаянии. Человек — это тщетное стремление».

«Бытие и ничто» опубликовано в 1943 году в Париже, оккупированном немцами. Оно привлекло внимание только узкого круга философов. К счастью, эта группа была и остается во Франции значительно более широкой, чем в любой другой стране (за исключением Ирландии, в которой все население попадает в эту категорию). В результате говорить о книге начинают и те, кто действительно ее прочитал, и те, кто хочет таковым казаться. Экзистенциализм сегоброскими нигилистическими слоганами («Существование бессмысленно», «Человек — это тщетное стремление» и т. д.) вскоре был подхвачен широким кругом приверженцев левого движения.

В 1945 году окончилась Вторая мировая война. Союзнические войска победно шествовали по Европе, но Европа лежала в руинах. Абсурдность ситуации была очевидна всем. Экзистенциализм говорил языком современности. Абсолютной справедливости не существует: миллионы людей

погибли, а тем, кто выжил, не во что верить, кроме как в себя.

Франция, пережившая унижение, нуждалась в героях, предпочтительно, культурных (это все-таки Франция). Необходимо было продемонстрировать, что существовало, по крайней мере, героическое духовное сопротивление немецким варварам. Художественную нишу заполнил Пикассо (несмотря на тот факт, что он испанец), ниша литературная была отдана Сартру (он в конце концов написал несколько статей для прессы, связанной с Сопротивлением). Под всеобщее одобрение Сартр пошел даже дальше: написал небольшую книжку, излагающую учение экзистенциализма в доступной форме: «Экзистенциализм — это гуманизм». Сартр и экзистенциализм становятся французским интеллектуальным экспортом. Признанная фигура левого движения, Сартр приобретает известность также среди интеллектуалов всего мира. Он разъезжает повсюду, читая лекции об экзистенциализме. Старые верования рухнули, новая религия атеизма и вызывающего отчаяния точно отвечала настроениям времени.

Джульетта Греко получает известность как исполнительница экзистенциалистских песен в трущобах Латинского квартала, а Жан-Поль Сартр сидит за своим столиком в кафе «Де Флер» (за соседним столиком располагается Симона де Бовуар) и пишет философские труды. Певица в черном и философ из кафе на бульваре Сен-Жермен становятся такими же туристическими достопримечательностями Парижа, как Эйфелева башня и Нотр-Дам.

Но Сартр верен себе. Не в его природе успокаиваться, достигнув успеха и славы (это буржуазные понятия, отдающие «дурной верой»). Он продолжает свое философское развитие, как всегда — пишет, пишет, пишет... Новеллы, пьесы, статьи, книги. Когда перенапряжение доходит до того, что ноги уже отказываются таскать его приземистое и толстое, безнадежно неатлетическое тело, он обращает свой взор к стимуляторам. Работая с утра до ночи день за днем, Сартр подхлестывает свой разум, постоянно держа себя в возбуждении. Де Бовуар старается организовать его отдых, предусмотрительно исчезая, когда он раз-

влекается с блестящими интеллектом юными экзистенциалистками.

Сартр верил в непредсказуемость. Действительно, на таковой базировалась вся его философия. Поэтому неудивительно, что его философское развитие также оказалось непредсказуемым. Начав с почти солипсического индивидуализма, он становится все более вовлеченным в социальные вопросы, политические ситуации. (Словечко *engagé* становится еще одним экзистенциалистским «паролем»). Покончив с тщетными стремлениями «Бытия и ничто» и насладившись первыми достижениями экзистенциалистского психоанализа, его экзистенциализм превращается в гуманизм.

«Экзистенциализм и гуманизм» — наиболее ясное изложение Сартром учения экзистенциализма; за несколько лет эта тридцатистраничная работа была переведена на большинство языков мира. Она содержит обычные сжатые слоганы квази-нигилистического вызова: «Мы одиноки, и нам нет извинений. Вот что я имею в виду, ког-

да говорю, что человек обречен быть свободным». Раньше Сартр рассмотрел свободу как ничем не обусловленную. В самом деле, она вдохновляет известное французское понятие *acte gratuit*: импульсивное, спонтанное действие, игнорирующее последствия. К счастью, это игнорирование последствий характерно больше для литературы, чем для жизни (например, персонаж Гайда в «Обманщиках» импульсивно и ничтоже сумняшеся выталкивает пассажира из идущего на полной скорости поезда). Такие действия и спонтанная экзистенциалистская свобода были провозглашены асоциальными. Они демонстрировали, каким образом индивид может существовать вне общества, по ту сторону его нравов. (Все склонялись к тому взгляду, что хорошо бы подобным абсолютно свободным субъектам существовать исключительно в экзистенциалистских теориях.)

Но Сартр, настаивая на спонтанности свободы, имел в виду не общее представление, а нечто более глубокое. Его свобода была чисто философским понятием. (Довоенный учитель в провинциальном Гавре, предложивший такое понятие,

действительно снисходительно относился к своей свободе употреблять избыточные количества пива. Это делало его популярным среди студентов. Однако его «неограниченная свобода» не предполагала, что он может и не прийти на урок.)

Сартр вскоре пришел к пониманию того, что хотя с философской точки зрения ничем не ограниченная свобода имеет смысл, в качестве социальной позиции она вряд ли приемлема. В самом деле, она была бы не только *асоциальной*, как признавали ее сторонники, но просто *антисоциальной*. В «Экзистенциализме и гуманизме» сартровское понимание индивидуальной свободы приобретает социальный аспект. По Сартру, свобода подразумевает социальную ответственность. Раньше он утверждал, что с каждым выбором, который мы делаем, мы выбираем не только себя, но мораль в целом. Отсюда остается лишь один шаг до признания социальной ответственности. Однако этот шаг имеет огромное значение. Сделав его, я признаю существование других (а не просто *Другого*) и признаю, что эти другие играют весьма определенную роль в моих затруднениях». «Выбирая себя, мы выбираем всех людей.

Действительно, нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть».

«Поступай так, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе», «Мир на Земле всем людям доброй воли» — такие максимы занимают центральное место в морали западной цивилизации. Они получили философское обоснование в категорическом императиве, на котором Кант основал свою систему морали: «Действуй только согласно той максиме, которую ты хотел бы видеть универсальным законом». Сартровская мораль не была оригинальной. Она не была даже экзистенциалистской, хотя он провозглашал ее таковой, ставя ее в контекст экзистенциалистских взглядов и его понимания свободы.

В «Экзистенциализме и гуманизме» Сартр толкует гуманизм так: «Человек находится постоянно вне самого себя. Именно проектируя себя и теряя себя вовне, он существует как человек. С другой стороны, он может существовать, только преследуя трансцендентные цели. Будучи этим

выходом за пределы, улавливая объекты лишь в связи с этим преодолением самого себя, он находится в сердцевине, в центре этого выхода за собственные пределы». Другими словами, человек создает свои собственные трансцендентные идеалы, которые могут выходить за пределы бытия, но являются центром его собственной трансценденции (ничто). «Не существует иной вселенной, кроме вселенной человека, вселенной человеческой субъективности».

Занимая антибуржуазную позицию, Сартр всегда склонялся к радикальным социалистическим взглядам, хотя и утверждал, что марксистом не является. Но поскольку его экзистенциализм все больше тяготеет к социальной вовлеченности, он склоняется к утверждению, что такова тенденция философии в целом. Сартр утверждает, что в современном мире существует только три философии: Декарт — Локк (предшественник Юма), Кант — Гегель, а также марксизм. Вскоре он начинает рассматривать экзистенциализм как «паразитическую систему, живущую на грани познания, которому она раньше противопоставляла себя, но в которое сегодня хочет быть интег-

рированной». И вскоре он уже утверждает, что «марксизм перевоплотил человека в идею, а экзистенциализм ищет его везде, где он действительно существует — на работе, дома, на улице». К 1952 году Сартр становится марксистом.

Однако сохраняя свой индивидуалистический настрой, он отказывается стать членом какой бы то ни было политической партии. Его главным *bête noir* становится Коммунистическая партия. «Я считаю, что истинный марксизм был совершенно извращен, фальсифицирован коммунистами». Если раньше Сартр был революционером в философии, теперь он становится философом революционером.

Радикальные движения по всему миру вдохновляются его трудами. Он делает революционные заявления по вопросам дня. В Южной Америке, в Африке, восставшей против колониализма, даже в маоистском Китае книги Сартра читаются и его идеи обсуждаются всеми мыслящими людьми. Он посещает Россию и коммунистическую Восточную Европу, пытаясь лавировать между скалой тоталитаризма и экзистенциалистской свободой. Его идеи подтасовываются и

используются властями и «борцами за свободу» в собственных целях. Как всегда, сартровское прочтение политических ситуаций имеет мало отношения к политической действительности. Его крепостью были идеи. Это действительно было тщетой существования в абсурдном мире.

Но выбранная им позиция смела, и это отрицать невозможно. Его здоровое, хотя и упрощенное отношение к войне за независимость в Алжире (которая велась против Франции) привело к тому, что он подвергся нападкам французских правых экстремистов. В другой раз он, взобравшись на ящик, произносил речь о солидарности на захваченном рабочими автомобильном заводе в то время как вооруженная полиция собиралась взламывать ворота. Ни полиция, ни рабочие не обратили внимания на его интеллектуальный анализ ситуации. Он остался, по существу, одиноким интеллектуалом, с его идеалистическими нелепостями, однако в журнале *Les Temps modernes* его голос звучал на всю Францию, Европу и мир.

Сопровождаемый де Бовуар, он встретил Кастро, посетил Прагу после русского вторжения,

пил чай с командиром красной китайской армии. Вернувшись в Париж, он продолжал писать, подстегивая себя наркотиками. Результатом были пространственные книги, наполненные мудрыми диалектическими и вдохновенными марксизмом аргументами, не приходящие ни к какому выводу.

Сартровская последняя важная квази-философская работа «Критика диалектического разума» (*Critique de la raison dialectique*) опубликована в 1960 году. На более чем 750 страницах он пытался выработать отношение к марксизму. «Я уверен, что только с позиций исторического подхода можно объяснить человека», — утверждал он теперь. Его идеи были отголоском марксистского историцизма, детерминистские представления о развитии цивилизации и диалектический анализ истории импонировали его взглядам. Он остался марксистом, но его марксизм был неортодоксальным. Классический марксизм не смог, по его мнению, адаптироваться к меняющейся реальности. Однако основные положения сартровской критики Маркса сами не выдерживают критики. С точки зрения Сартра, Маркс недостаточно внимания уделил проблеме ограниченности

ресурсов. В анализе этой проблемы Сартр позволяет мыслям растечься по древу. Все человеческие отношения управляются дефицитом, утверждает он. Даже при перепроизводстве дефицит проявляется в качестве дефицита потребления. Основное правило цивилизации на ее современной стадии развития гласит: «Убивай или голодай». Даже насилие, ведущее к конфликту, ведомо «внутренним дефицитом», и т.д.

И все-таки среди всей этой чуши пробиваются проблески гениальности, особенно в пьесах, которые он продолжает писать. Конечно, художник в нем доминирует над мыслителем. Отрицательный персонаж, будь то убийца или палач, часто изображается трагическим героем, оказавшимся в ситуации, которой он не может избежать. Он понимает, что делает, и он отвечает за свои действия, но не может поступить по-другому. По словам ведущего критика Сартра Филипа Соди такие персонажи «являются жертвами их собственных действий и умерщвляются их собственными намерениями... обвиняемые на скамье подсудимых истории, причем исполнителями обви-

нения являются они сами». Эти жертвы являются «последними представителями христианских чувств в мире, где Бог умер, но ни история, ни любовь не могут занять его места».

В 1964 году Сартр был представлен к Нобелевской премии по литературе — главным образом за свою автобиографию, а не философские и политические писания. Он отказался от премии, утверждая: «Писатель не должен зависеть от каких-либо институтов».

Здоровье Сартра все ухудшалось, но он продолжал выступать с непримиримыми политическими заявлениями по событиям дня в журнале *Les Temps modernes* и возглавлять уличные демонстрации против властей. Правые экстремисты откликнулись лозунгами вроде: «Смерть Сартру!», и полиция пыталась взять его под стражу, но за него было кому заступиться. Президент де Голль авторитетно признал его «великим человеком истории» и аргументировал: «Вольтеру не место за решеткой». Впрочем, к этому времени Сартр был не столько Вольтером, сколько Тин-тином (Тин-тин — репортер, известный персонаж комиксов. — *Примеч. перев.*). Время шло. Возникли новые философ-

ские направления: структурализм и постмодернизм, и новые фигуры: Барт, Деррида, Фуко. Пигмеи его тени... Но Париж всегда был городом моды. Они стали последней интеллектуальной модой левого движения. Эпоха Сартра уходила.

60-е перешли в 70-е, Сартр платил все более высокую цену за увлечение наркотиками, ставшее поистине фаустовской сделкой с дьяволом: только так он мог еще заставлять себя работать. Посещаемый де Бовуар и верной свитой молодых *экзистенциалисток* (некоторые из них, впрочем, стали уже зрелыми женщинами), Сартр угасал. Стимуляторы, писанина, вино, сигареты, женщины — все исчезло одновременно. 15 апреля 1980 года Сартра не стало. Спустя четыре дня состоялись похороны. К похоронной процессии, двигавшейся вдоль Латинского квартала, мимо кафе, где он писал последние работы, присоединилось 25 000 человек. Дерзкая публика этих мест, выступавшая против всех и всяческих авторитетов, пришла отдать дань уважения своему герою, самому последовательному борцу с лощеной буржуазной респектабельностью.

Из произведений Сартра

Человек обречен быть свободным.

«Экзистенциализмигуманизм»

Мир объяснений и разумных доводов и мир существования — два разных мира. <...> Существование — это не то, о чем можно размышлять со стороны: нужно, чтобы оно вдруг нахлынуло, навалилось на тебя, всей тяжестью легло тебе на сердце, как громадный, недвижимый зверь — или же ничего этого просто-напросто нет.

«Тошнота»

Случайность — это нечто абсолютное, совершенная беспричинность. Я хочу сказать, что — по

определению — существование не является необходимостью. Существовать — это значит БЫТЬ ЗДЕСЬ, только и всего; существования вдруг оказываются перед тобой, на них можно НАТКНУТЬСЯ, но в них нет ЗАКОНОМЕРНОСТИ.

«Тошнота»

Первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование.

«Экзистенциализм и гуманизм»

Атеистический экзистенциализм, представителем которого являюсь я, более последователен. Он учит, что если даже Бога нет, то есть, по крайней мере, одно бытие, у которого существование предшествует сущности, бытие, которое существует прежде, чем его можно определить каким-нибудь понятием, и этим бытием является человек, или, по Хайдеггеру, человеческая реальность. Что это означает: «существование предшествует сущности»? Это означает, что человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется.

Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится впоследствии, причем таким человеком, каким он сделал себя сам. <...> Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и Бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать.

«Экзистенциализм и гуманизм»

Бытие есть мир <...> Другого <...> Ничто есть человеческая реальность, радикальное отрицание которой приводит к обнаружению мира. <...> Человеческая реальность есть то, что приводит ничто к бытию, внешнему существованию.

«Бытие и ничто»

Сознание есть тотальная пустота (поскольку весь мир лежит вне его).

«Бытие и ничто»

Мои действия создают ценности, которые выпархивают из-под них, как куропатки из-под ног.

«Бытие и ничто»

САРТР ЗА 90 МИНУТ

Человек есть тщетное стремление.

«Бытие и ничто»

Ад — это другие.

«За закрытой дверью»

Важные даты в философии

VI в. до н.э. Начало развития западной философии — Фалес из Милета.

Конец VI в. до н.э. Смерть Пифагора.

399 г. до н.э. Сократ приговорен к смерти в Афинах.

387 г. до н.э. Платон основывает Академию в Афинах, первый университет.

399 г. до н.э. Аристотель основывает Лицей в Афинах, в противовес Академии.

324 г. н.э. Император Константин переносит столицу Римской империи в Византию.

400 г. н.э. Блаженный Августин пишет свою «Исповедь». Философия сливается с христианской теологией.

529 г. н.э. Император Юстиниан закрывает Академию в Афинах, ставя, таким образом, точку на эллинистической мысли.

Середина XIII в. Фома Аквинский пишет комментарий к трудам Аристотеля. Эра схоластики.

1453 г. Завоевание Византии турками, конец Византийской империи.

1492 г. Колумб открывает Америку. Ренессанс во Флоренции и возрождение интереса к учению греков.

1543 г. Коперник публикует свой труд «О вращениях небесных сфер», в котором он математически доказывает, что Земля вращается вокруг Солнца.

1633 г. По настоянию Церкви Галилей отрывается от гелиоцентрической теории Вселенной.

1641 г. Декарт публикует свои «Размышления», послужившие началом развитию современной философии.

1677 г. Со смертью Спинозы становится возможной публикация его «Этики».

1687 г. Опубликование «Математических принципов натуральной философии» Ньютона с законом всемирного тяготения.

1689 г. Локк выпускает «Опыт о человеческом разумении». Начало эмпиризма.

1710 г. Выходит книга Беркли «Трактат о причинах человеческого знания», в которой развиваются идеи эмпиризма.

1716 г. Смерть Лейбница.

1739 г. Юм публикует свой «Трактат о человеческой природе», в котором продолжает развивать идеи эмпиризма.

1781 г. Кант, разбуженный Юмом от своего «догматического сна», выпускает «Критику чистого разума». Наступает великая эра немецкой метафизики.

1807 г. Выходит в свет «Феноменология духа» Гегеля, высшее проявление немецкой метафизики.

1818г. Шопенгауэр публикует свой «Мир как воля и представление», в котором вводит в немецкую метафизику элементы индийской философии.

1889 г. Ницше, объявив, что «Бог умер», умирает сам в Турине, сойдя с ума.

1921 г. Витгенштейн выпускает в свет свой «Логико-философский трактат», в котором утверждает, что нашел «окончательное решение» философских вопросов.

1920-е гг. Венский кружок создает логический позитивизм.

1927 г. Хайдеггер публикует «Бытие и время», где сообщает о расколе между аналитической и европейской философией.

1943 г. Выходит труд Сартра «Бытие и ничто», в котором развиваются идеи Хайдеггера и даются начальные положения экзистенциализма.

1953 г. Посмертная публикация «Философских исследований» Витгенштейна. Пиклингвистической философии.

Хронология жизни Сартра

1905 г. Жан-Поль Сартр родился в Париже.

1905 г. Умирает отец Сартра.

1917 г. Мать Сартра выходит замуж за Жозефа Мэнси. Жан-Поль с матерью и отчимом переезжает в Ла Рошель.

1920 г. Сартр возвращается в Париж.

1924 г. Поступает в Высшую нормальную школу.

1929 г. Встречает Симону де Бовуар. После экзамена оказывается первым на курсе.

САРТР ЗА 90 МИНУТ

1931 г. Начинает преподавать в Гавре.

1932 г. Проводит год в Берлине.

1938 г. Публикация «Тошноты» приносит Сартру известность.

1938 г. Публикация «Набросков теории эмоций», первой зрелой философской работы Сартра. Начало Второй мировой войны, за которую Сартр считает себя ответственным. Он призван на военную службу и служит в метеорологическом подразделении.

1940—1941 г. Сартр оказывается военнопленным.

1943 г. Опубликована работа «Бытие и ничто», наиболее объемный его труд.

1944 г. Основание журнала *Les Temps modernes*.

1945 г. Публикация «Экзистенциализма и гуманизма». Конец войны. Сартр становится известным как ведущий представитель экзистенциализма.

1952 г. Сартр становится марксистом.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ САРТРА

1960 г. Публикация «Критики диалектического разума».

1964 г. Публикация автобиографии Сартра («Слова»). Представлен к Нобелевской премии.

1980 г. Сартр умирает в возрасте 74 лет в Париже. Его похороны перерастают в публичную демонстрацию.

Именной указатель

Арон, Раймон 18,20,27, 28, 33

Бовуар, Симона де 18, 20, 21, 22, 23, 25, 28,
34,35,40,48,54,55,69,76

Ванда 40,41

Вейл, Симона 18

Витгенштейн, Людвиг 43

«Гец фон Берлихинген» 15

Гегель, Георг 27

Гитлер, Адольф 33,43,47

Гуссерль, Эдмунд 28, 31, 32, 39

Декарт, Рене 27, 31, 45,46,48, 59

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ипполит, Жан 18

Кант, Иммануил 24,27, 73

Кьеркегор, Серен 29, 30, 31, 36

Марсель, Габриэль 61

Марксизм 74, 75, 77

Мерло-Понти, Морис 18, 20

Нобелевская премия по литературе 79

Ольга 41

Работы: *«Бытиеи ничто»*; *«Экзистенциализм и гуманизм»*; *«Закртой дверию»*; *«Тошнота»*; *«Критика диалектического разума»*; *«Наброски теории эмоций»*; *«Стена»*; *«Слова»*, *«Вторая мировая война; ответственность за нее»*.

Сартр, Анн-Мари 9,10,11,22,68,69

Соди, Филип 78

Солипсизм 7,11,61

Les Temps modernes 76, 79

Феноменология 28, 32, 48, 49

Фрейд, Зигмунд 27

САРТР ЗА 90 МИНУТ

Хайдеггер, Мартин 44, 48, 49, 50, 51, 53, 55,
57, 60

Хаксли, Олдос 41

Экзистенциализм 6, 7, 28, 29, 30, 31, 33, 45,
47, 48, 55, 60, 64, 67, 68

Эпистемология 34

Юм, Давид 32, 35, 36, 45, 46, 48

Об авторе

Пол Стретерн читал лекции по философии и математике, теперь живет и работает в Лондоне. Владелец премии имени Сомерсета Моэма, автор книг по истории и географии, а также пяти романов. Его статьи публиковались в огромном количестве изданий, включая «Обзервер» (Лондон) и «Айриш Таймс». Степень по философии он получил в Тринити Колледж, в Дублине.

www.infanata.org

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями! Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена! По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.infanata.org

Научно-популярное издание

Философы за 90 минут

Пол Стретерн

САРТР ЗА 90 МИНУТ

Ответственный редактор *Г.В. Щёлокова*
Технический редактор *Э.С. Соболевская*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная верстка *А.Л. Павловой*

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл,
ул. Кочетова, д. 93

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в
ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.